

Вырвавшись из той гнетущей обстановки, я почувствовала себя намного легче, даже головокружение почти прошло. Я решила пройтись еще немного, надеясь окончательно протрезветь.

— Ваше Высочество, идите не спеша, а рабыне пора возвращаться к господину, так что я вас покину, — сказала я и взмахнула рукой, отпуская У Яо.

Прислужники по обе стороны пути тихо застыли на своих местах. Завидев меня, они торопливо склонились в поклоне, опуская головы так низко, что подбородки почти касались груди, словно один лишь взгляд на моё лицо сулил им страшную беду.

Я молча вздохнула и, пройдя мимо сгибающихся в поклонах слуг, медленно зашагала по длинной галерее вдоль банкетного зала.

Близился закат, солнце клонилось к горизонту, окрашивая небо в багряные тона. Отражаясь в бесконечных дворцовых стенах, закат казался брызгами свежей крови, безмолвно оплакивающей любовь и ненависть, погребенные под толщей лет. Я тряхнула головой, насмехаясь над собой: неужели эта атмосфера заразила меня, заставив предаваться меланхолии?

В этот миг до меня донеслись чьи-то пересмешки и шум, а следом — тихий всхлип. Обуреваемая любопытством, я приглушила шаги и тихо направилась к арке, откуда доносились звуки.

Притаившись за ветвями деревьев, я осторожно выглянула наружу. Там была группа молодых дворцовых слуг. Один из них сидел на земле, его одежда была испачкана пылью, а рядом валялось опрокинутое блюдо с пирожными. Глаза мальчишки покраснели, как у маленького кролика. Трое других окружили его, глядя сверху вниз с нескрываемой насмешкой. Нетрудно было догадаться, что здесь произошло.

Юные души, еще не знающие жизни, порой бывают беззаботными ангелами, а порой — демонами в невинном обличье. Они могут с сочувствием поднять упавшего старика, а могут с улыбкой сломать крылья птенцу. Самые добрые и самые жестокие одновременно.

В Да-У, где иерархия строга до жестокости, участь слуги, опрокинувшего предназначенные для банкета лакомства, не сулила ничего хорошего.

Я тихо кашлянула и вышла из-за арки. Бесстрастно глядя на перепуганных юношей, я спросила низким голосом:

— Что вы... делаете?

Тот, кто выглядел старшим, тут же опустился на колени и потянул за собой двух остолбеневших товарищей. Он отвесил глубокий поклон:

— Приветствую Ваше Высочество Лин-ван! Желаю Вашему Высочеству благополучия!

Я опустила взгляд на свои одежды, где красовался золотой узор распростертых крыльев феникса — символ, принадлежащий исключительно императорскому дому. Неудивительно, что он сразу узнал меня. Я присела на корточки перед ними, словно вернувшись в те дни, когда отчитывала нерадивых учеников, и мой тон невольно стал строгим:

— Вы еще не ответили на мой вопрос.

— Отвечаю Вашему Высочеству: он опрокинул лакомства, которые нужно было подать к столу, и я сейчас его наказываю... — выпалил он, не задумываясь.

— Это так? — я перевела взгляд на мальчишку, который сидел, опустив голову. Он как раз поднял на меня глаза — круглые, испуганные, как у дикого зверька. Я заметила, что его радужка была светлой, а взгляд казался глубоким, словно янтарь, выдержанный годами. Это невольно напомнило мне другого человека с похожим оттенком глаз... Цзян Чжо.

Разница была лишь в том, что глаза Цзян Чжо отливали янтарем только при определенном освещении, а у этого юноши они были такими от природы — редкими и прекрасными.

— Это все вина этого варвара из Жоужани! — выпалил самый младший и нетерпеливый из троицы, за что тут же получил щипок от товарища. Его гримаса боли, которую он не смел выразить вслух, вызвала у меня усмешку. В конце концов, все они были еще детьми.

— Ладно, я не собираюсь выяснять, кто виноват. Ступайте, — у меня пропало желание продолжать этот разговор. Я поднялась на ноги, но сделала это слишком резко — перед глазами поплыли черные круги, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

Когда я снова открыла глаза, трое слуг уже поспешили скрыться, а обиженный юноша все так же упрямо сидел на земле, о чем-то задумавшись.

— Почему ты не уходишь? — я потеряла виски, чувствуя слабый интерес. — Разве ты... не боишься меня?

Может, он просто не знает Куан Сихань и не слышал о ее славных делах, поэтому и ведет себя так спокойно?

— Отвечаю Вашему Высочеству, я подвернул ногу и не могу... подняться, — в его голосе послышались слезы, что заставило меня невольно прыснуть со смеху.

— ...Вот оно что, — я сдержала улыбку и спросила: — Малыш, как тебя зовут?

— Отвечаю Вашему Высочеству, меня зовут Цзычжэн. Цзы — от слова персик, Чжэн — как у

гуслей, — тихо ответил он, робко взглянув на меня с выражением, в котором смешались недоумение и смущение.

— Цзычжэн, красивое имя... Дай мне руку, я помогу тебе подняться, — я протянула ему ладонь и по привычке добавила: — Будь впредь осторожнее, не вступай в конфликты с другими. Уступишь — и путь станет шире, нет таких трудностей, которые нельзя преодолеть...

Его ошарашенный взгляд заставил меня замолчать, и я поспешно убрала протянутую руку. Как я могла забыть, что теперь я — не мягкая и добрая учительница Цзянь Синь, а холодная и суровая Лин-ван Куан Сихань.

— Кхм-кхм. Я имела в виду... в общем, будь благоразумен, — я смущенно завела руки за спину, делая вид, что ничего особенного не произошло. — А то разбитое блюдо... скажи главному управляющему, что это я его забрала. Думаю, он не станет тебя винить.

Не дожидаясь ответа, я поспешно ушла, пройдя через арку. Наверное, мое странное поведение напугало мальчишку? Больше не стоит вмешиваться в чужие дела.

Я взглянула на небо — пора было возвращаться на банкет.

За аркой развилка. Я как раз собиралась повернуть, как вдруг из-за угла вышли двое. Если бы я шла медленнее, мы бы неминуемо столкнулись. При моем нынешнем хилом телосложении последствия были бы плачевными.

Я подавила инстинктивное желание извиниться и, заложив руки за спину, высокомерно приподняла бровь, ожидая, пока они поклонятся и поспешно ретируются. В конце концов, у Куан Сихань дурная репутация, и я не ждала от них доброго отношения. Такая гордыня — ее естественная реакция.

Однако я недооценила, насколько сильно ее не любят, или же переоценила собственное терпение. Мое едва успокоившееся настроение вновь рухнуло в бездну.

12. Старые обиды

Те двое были господином и его слугой. Старший, с утонченными чертами лица, в скромных украшениях, очевидно, был хозяином. Следом шел юноша, еще более простой на вид, с детским выражением лица — куда более наивный, чем рассудительный Сяо Чань.

Юноша испуганно прижал руку к груди, помогая своему господину, и, когда тот улыбнулся и покачал головой, показывая, что невредим, слуга шагнул вперед, собираясь что-то сказать мне. Но стоило ему поднять глаза, как он замер, словно его схватили за горло. Его пальцы задрожали от ужаса.

Я нахмурилась, собираясь заговорить, как вдруг тот, что выглядел таким мягким и добрым, взорвался:

— Опять ты, демон! Что ты еще задумала? Неужели того, что я пострадал от тебя, недостаточно?.. Почему! Почему ты такая жестокая! Отвечай!

— Господин! Господин, успокойтесь! Не гневайтесь, вам станет хуже! — если бы слуга не держал его, он наверняка бросился бы на меня с кулаками.

Что же натворила Куан Сихань, раз он так ее ненавидит? В его взгляде читалась такая жажда мести, словно он был готов разорвать меня на части.

— Верни мне ребенка! Моего ребенка... мой несчастный ребенок... — он вырвался из рук слуги и зарыдал, уткнувшись ему в плечо. Его рыдания были полны такой боли, что сердце сжималось.

Я стояла в растерянности, закусив губу. Мне хотелось что-то сказать, но слова застревали в горле. Извиниться? Но я не знала, что произошло. Уйти? Это было бы слишком жестоко.

В этот момент на крики прибежали слуги. Они окружили обоих, а старший из них поклонился мне и дрожащим голосом произнес:

— Ваше Высочество, прошу прощения за беспокойство, я сейчас же уведу супруга У!

Супруг У? Значит, этот мужчина — один из тех, кто принадлежит Куан Сицин? Но как он связан с Куан Сихань? Обрывки фраз складывались в невероятную историю.

Мне стало страшно, но любопытство взяло верх.

— Постой, — я остановила слугу, который хотел немедленно исчезнуть, и бросила взгляд на убитого горем супруга У. — Что с ним?

— Отвечаю Вашему Высочеству, супруг У недавно потерял ребенка. Он пребывает в глубокой скорби, и его состояние нестабильно. Лекарь советовал ему больше гулять, чтобы прийти в себя, но мы не ожидали, что он встретит вас. Прошу, простите его! — он упал на колени, и все остальные слуги последовали его примеру.

Освободившись, безумный от горя супруг У снова попытался броситься на меня, но слуги удержали его. Ситуация становилась хаотичной.

Я понимала, что правды от них не добьюсь — они слишком боятся за свою жизнь. Если я буду давить на них, используя статус ван, это может им навредить. Лучше отпустить.

Я устало покачала головой:

— Довольно. Я не в обиде, уводите его. И еще, — добавила я, — он меня не задел. Пришлите к нему лекаря, пусть как следует отдохнет.

— Слушаюсь, Ваше Высочество! — слуга с облегчением выдохнул и поспешно увел их прочь, словно боясь, что я передумаю.

Даже когда его утаскивали силой, мужчина продолжал смотреть на меня с такой ненавистью, что у меня по спине пробежал холодок.

Я чувствовала полное бессилие. Даже недавнее веселое настроение от общения с Цзычжэном сменилось тяжестью. Хотя я и не помнила событий, реакция людей была красноречивее слов: этот выкидыш был делом рук Куан Сихань. Неудивительно, что он так меня ненавидит.

Но был ли это умысел или случайность? И если умысел, то ради чего? Какая выгода была у вана из боковой ветви рода от вреда наложнику в гареме?

На сердце легла тень. Вина и сомнения сплелись в тугой узел, а крепкое вино, выпитое ранее, ударило в голову, оставляя горький привкус.

Возвращаться на банкет не хотелось. Я решила остаться здесь, чтобы привести чувства в порядок. А будет ли меня искать Куан Сицин — меня уже не волновало.

Небо темнело, вечерняя заря сменилась пурпурными сумерками, показалась луна. Вокруг ни души, лишь пустота и тишина. Легкий ветерок немного развеял тяжесть на душе, и я решила прогуляться.

В конце галереи раскинулся сад с густыми зарослями и причудливыми нагромождениями камней. Я невольно свернула туда.

Вдруг послышался шорох травы. Я обернулась и увидела Цзян Чжо, которая безмолвно следовала за мной в полушаге. Она была спокойна, не испугавшись того, что я её обнаружила — очевидно, она специально дала о себе знать.

— Почему ты здесь? — я глубоко вздохнула и коснулась холодного камня, чтобы охладить ладони и унять сердцебиение, которое всегда учащалось в её присутствии.

Не знаю почему, но рядом с ней я всегда теряла самообладание. Казалось, чем спокойнее она, тем беспомощнее выгляжу я. Я — высокородный ван, она — всего лишь охранница, но стоило мне встретиться с её спокойным, как ледяное озеро, взглядом, я чувствовала себя пойманной в ловушку. Или же это совесть и чувство ответственности за те мучения, что я причинила ей в прошлом, заставляли меня чувствовать себя ничтожной — даже если должником была Куан Сихань, а не я.

— Ваше Высочество взяли меня с собой на банкет, разве не для того, чтобы я оберегала вашу безопасность? — она нахмурилась и тихо добавила: — Вы слишком долго отсутствуете.

— Я... этот ван... — я покачала головой, не желая объясняться. — Неважно. В саду чудесный вид, побудь со мной.

Не дожидаясь ответа, я углубилась в лабиринт камней. Шаги Цзян Чжо за спиной дарили чувство безопасности в этой полутьме.

Спустя некоторое время мы вышли к другому выходу из сада. Мои ноги словно сами вели меня сюда, в памяти всплывали смутные фрагменты — похоже, Куан Сихань часто бывала здесь.

Я пыталась вспомнить больше, стараясь игнорировать боль в голове, как вдруг из рощицы за камнями послышался шорох одежды — кто-то быстро приближался. Цзян Чжо мгновенно шагнула вперед, заслонив меня собой.

— Кто идет! — властно окликнула она.

Незнакомец, казалось, испугался. Раздался мелодичный звон подвесок, и я увидела того, кто нарушил наше уединение. Его лицо показалось мне до боли знакомым.

У него были яркие, кокетливые глаза с приподнятыми уголками, бледная кожа и алые губы. Он двигался грациозно, словно лис-оборотень из сказок Пу Сунлина. Но стоило ему открыть рот, как я поняла, что этот прекрасный демон — мужчина.

— Ах ты, бессердечный! Я так скучал! — воскликнул он.

Подождите... что он сказал? Он обращается ко мне?

Я перевела взгляд с бесстрастной Цзян Чжо на этого пылкого мужчину, совершенно сбита с толку.

13. Гуйцзюнь

В памяти Куан Сихань не было пустоты, напротив — там мелькали десятки лиц, включая императорского супруга Лу Сючжу. Но все они были лишь размытыми тенями, случайными прохожими. Она их не запоминала. Единственное, что врезалось в память по-настоящему глубоко, было связано с Куан Сицин.

— Что такое? Прошло всего несколько дней, а ты уже не узнаешь меня? Или ты заболела и простудила голову? — не дождавшись ответа, он нахмурился, в его глазах мелькнуло беспокойство. Он шагнул ко мне и протянул руку, собираясь коснуться моего лица.

Я поспешно отпрянула, но он ухватил меня за запястье и потянул к себе. Сила в его руках была неожиданной.

Разве мужчины в Да-У не должны быть хрупкими? Почему он такой сильный?

Я тяжело задышала, чувствуя, как внутри все клоочет от возмущения. Понятно, дело не в его силе, а в болезненном теле Куан Сихань.

Лицо мое вспыхнуло, и я гневно уставилась на него, надеясь, что мой холодный взгляд заставит его отступить:

— Раз ты узнал меня, то должен знать, что проявлять неуважение к Вашему Высочеству — тяжкое преступление... Отпусти!

К моему удивлению, мужчина лишь усмехнулся и, не обращая внимания на мои слова, наклонился к самому моему уху:

— Ой-ой, опять строишь из себя важную персону? Ну и как же Ваше Высочество собирается меня наказать? Прикажешь повесить и выпороть? Или будешь пытаться горячим воском?

— Ты! Я... — он явно принял мое замешательство за кокетство и придвинулся еще ближе. Я почувствовала жар его тела сквозь одежду — от этих намеков меня затошнило.

— Ну же, Ваше Высочество, почему молчите? Может, придумали что-то новенькое? Мне так страшно, сердце вот-вот выпрыгнет из груди, не верите — потрогайте! — он схватил мою руку и прижал к своей груди, не обращая внимания на сопротивление.

— Не надо! — у меня по спине побежали мурашки, в груди все сжалось. Никогда прежде я не ненавидела слабость этого тела так сильно.

Я бросила взгляд на Цзян Чжо, надеясь на помощь, но она стояла в стороне, опустив глаза. Она не собиралась вмешиваться — видимо, знала этого мужчину и была уверена, что он мне не навредит. Или решила, что мы близки. Откуда ей знать, что внутри — уже не та беспутная Куан Сихань?

Если она не поможет, я не выберусь. Если кто-то из придворных увидит нас, это обернется скандалом. И хуже всего — реакция Куан Сицин. Я не хотела давать ей повода для нападок или унижения.

В отчаянии я рванулась, вырвала руку и рявкнула:

— Дерзость!

Он замер, испугавшись моего окрика. В его глазах мгновенно выступили слезы, он смотрел на

меня так, словно я совершила величайшее злодеяние. Я никогда не видела мужчин, которые так легко плакали, и была совершенно сбита с толку.

<http://bllate.org/book/21773/2251641>